

Напоминаем читателям: мы завели страничку комментариев к христианской культуре в связи с грядущим 2000-летием крупнейшей мировой религии, а еще потому, что она так или иначе касается нашей повседневной жизни.

КОММЕНТАРИЙ ПЕРВЫЙ
мы отдали Любви Иннокентьевне БАХАЛЬСКОЙ.
Любовь Иннокентьевна — старший преподаватель кафедры экономики МГМА — очень дорожит христианской культурой, возлагает на нее основные надежды спасения человека от распада, приветствует нашу страничку и призывает читателей к диалогу хотя бы с ее статьями. Итак, читайте А. И. Бахальскую и возражайте ей.

ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО ТВОЕГО

Хотелось бы продолжить тему, затронутую в предыдущей заметке «Возлюби ближнего твоего». Эта тема наиболее важна для понимания христианства. А глубина ее безмерна, как любовь Божья.

Что такое любовь Божья, нам до конца не понять никогда. Мы знаем, что такое любовь человеческая. Нам знакомо чувство любви к детям, родителям, мужу, жене, близким. Эта любовь приходит к нам как бы без определенных усилий с нашей стороны. Потребность в любви рождается вместе с рождением человека. Все остальное в жизни зависит от того, насколько полно удовлетворена эта главная потребность.

Как это ни печально признавать, но мы, люди, способны любить только на определенных условиях. Мы готовы любить лишь тех, кто оправдывает наши ожидания. И если мотивы поведения кого-либо непонятны, то мы скорее осудим такое поведение или проявим агрессию и злобу.

Человеческая любовь позволяет любить лишь «приятных людей», которые нам симпатичны, и притом до тех пор, пока они будут нам симпатичны.

Поскольку все люди хотят любить и быть любимыми, они предпринимают огромные усилия для того, чтобы оказать давление на других, переделать их, изменить по своему образу и подобию, чтобы потом полюбить их.

Любовь Божья, в отличие от человеческой, не ставит условий. Любовь без условий принимает людей такими, какие они есть.

Если есть в мире абсолютно свободная любовь, так это любовь Божья. Бог любит верующих и неверующих, праведных и неправедных. Любовь Божья может быть сравнима с лучом Солнца, освещающим все вокруг. Но этот белый луч света вдруг начинает играть разнообразием цвета, окрашивая мир удивительными красками. Мы знаем, что здесь начинают проявляться законы физики. На самом деле белый луч света представляет собой смесь всех длин волн видимого диапазона — от фиолетового до красного. Падая на поверхность предмета, свет частично отражается. Количество отражаемого света зависит уже от физических возможностей самого предмета, в результате он окрашивается в определенную цветовую гамму.

Но попробуем сравнить между собой эти два понятия: свет и любовь. В Библии они тесно переплетаются между собой.

Божья любовь безгранична. Каждый из нас, получая эту любовь, способен отразить через себя только часть ее. Мы становимся как бы передатчиками Божьей любви. Количество передан-

ной любви определяется уже способностью нашей души.

Это она выбирает из всего предложенного диапазона любви ту ее часть, которая подходит под ее условия. Это она ставит ограничения на получение любви от нас окружающими.

Очень часто диапазон этой любви небольшой, замыкается на себе, развивая чувство эгоизма и холодности к окружающим. Огонь любви в душе почти погашен, мы становимся безразличными к нуждам других людей, едва ли осознавая, что с нами происходит.

А может быть, вся истина и смысл нашей жизни заключаются в развитии способности нашей души дарить любовь? Поэтому мы и получили от Христа две основополагающих заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею». Мф. 22:37.

Вторая подобна ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». Мф. 22:39, 40.

«Но вам говорю: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас... и если любите любящих вас, какая вам за то благодарность?» Лк. 6:27, 32.

Если мы хотим иметь благодарность от Бога, то мы должны трудиться душой,

настраивая ее на любовь даже в тех случаях, когда логика нашего сознания убеждает нас в обратном.

«Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас». Еф. 4:31.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде». 1 Кор. 13:3-7.

Бог дает каждому из нас такие жизненные ситуации, которые должны развить недостающие способности нашей души, научить терпеть, не завидовать, не гордиться. Но эти ситуации нам не нравятся. Они вызывают у нас чувство протеста и эмоции противоположного свойства. И редко кто из нас задумывается, что это дано во благо моей души, именно этими качествами она не обладает. И прежде чем начинать борьбу за свою человеческую справедливость, остановись и подумай: «Возможно, мне необходимо бороться с собой, научиться терпению, кротости — научиться любить».

Возможно, в этом и состоит самая главная и наисложнейшая задача всей моей жизни, задача по усовершенствованию моей души. Чтобы могла она облечься в любовь, которая есть совокупность совершенства». Кол. 3:14.

КОММЕНТАРИЙ ВТОРОЙ

Римма ДЫШАЛЕНКОВА:

Кое-что о проклятии

Много ли я видела и слышала проклятий в своей жизни? Легковесных, пустых — конечно, много. Но они не имеют отношения к христианской культуре. Некое самозабвенное выражение гнева. Если в нашем атеистическом обществе обезумевшая от беспутств мужа жена яростно выкрикивает ему: «Я тебя проклинаю вот этим хлебом», наверно, это сильно звучит, ведь этот гнев до первого поцелуя.

Более тревожным мне казалось в моей молодости предупреждение мамы. Мне, как приемной дочери, она ничего такого не говорила, а вот своей родной дочери строго внушала: «Любка, храни себя, не то — прокляну». Поскольку наша мама была глубоко верующей христианкой, у меня от этих ее слов пробегал мороз по коже: страшно, неведомо, невозможно...

Изучая мировую культуру, я, конечно, наткнулась на первые христианские легенды V-X веков. Вот где открылась тайна христианской этики, которая стала народной, хотя в этих легендах нет ссылок на Евангелие, порой нет упоминаний ни самого Христа, ни Богородицы. Многие из этих легенд нам знакомы в обработке очень известных толкователей, таковы легенды о принце Гамлете, о докторе Фаусте, о Летучем Голландце.

О традиции проклятия самая могучая легенда всем известна — это «Риголетто». К сожалению, художественная интерпретация этой легенды потеряла силу предания, а в опере «Риголетто» вообще мало что поймешь, потому что жизнь средневекового дворца в опере очень далека от первоисточников условий, да и поют ее почему-то по-итальянски, как бы это не про нас.

А легенда о Риголетто как раз рассказывает о страшной силе отцовского проклятия в христианской традиции. Поскольку отец в христианстве несет ответственность за свое семя и жену перед Богом-От-

цом, то есть он не одинок в этом деле, а с ним Бог, постольку поступки христианина-отца все у Бога на виду. И если над ним кто-то совершает надругательство, святотатство, отец поднимает руку для проклятия, то есть Божеского отщепенца.

Итак, напомним: некий не соблюдающий христианской чистоты Герцог лишил невинности дочь своего вассала, графа Монтероне. Граф, соблюдавший рыцарскую, христианскую верность Герцогу, потрясен святотатством. Он готовится к отмщению. И находит его только в проклятии. Не в убийстве (ибо — не убий!), не в гражданской войне (братоубийство), а именно в помощи Бога-Отца отцу-христианину. Вы помните, конечно, что он явился в залах Герцога и в отчаянии прокричал: «Ты — дьявол, я проклинаю тебя именем Бога — Отца жизни». Только на троне Герцога в этой время сидел не Герцог, а его шуф Риголетто. И Божья кара пала на несчастного, в общем-то ни в чем не повинного шуфа. Проклятие сработало через много лет. И с набором всех антихристианских преступлений Риголетто теряет свою младшую дочь, с ужасом вспоминая проклятие поруганного отца Монтероне. В этом случае легенда намекает на биологическую, семенную связь человека с Богом Живым.

Но есть право проклятия и у христианских духовных отцов. Обратимся к «Библиейской энциклопедии». Тут нам попадется слово «анафема» (проклятие, отлучение). Под сим словом в общем смысле разумеется обречение конечной гибели, или Божескому отмщению, какого-либо лица, животного или места». В более тесном смысле под словом «анафема» в древней церкви разумелось отлучение от Церкви или исключение из общины еретиков или нераскаявшихся грешников. В православной церкви обряд отлучения таковых совершается доньше в неделю Православия (с 8 марта нового стиля). Суровым приговором, усиленным коллективным бессознательным давлением народа, особым текстом, который знают только правочерные, виновный не только отлучался от общины, но лишался защиты соплеменников вплоть

до гибели. Все это глубокий уклад жизни христиан, он не обсуждался публично, но был известен самому, на наш взгляд, неграмотному крестьянину. Ну хотя бы моей маме.

И есть в народной культуре третье знание, оно выражено так: «Страхись проклятья сироты», — христиане, видимо, считали, что сирота в отсутствие отца живет под защитой Бога. Но сироты, как правило, не умеют проклинать. Они безропотно переживают свое последнее положение в обществе. Однако именно поэтому их и хранит Бог — живых. Так что все равно — страхись проклятья сироты.

В связи со всем этим вспоминается случай из нашей пост-атеистической действительности. Один мой ровесник, активный коммунист, еще в 1989 году прямо на партсобрании поднял над нашими головами томик сочинений В.И. Ленина и горячо заявил: «Я только теперь понял Ленина. Вот с этой книгой я проживаю каждый свой день»... Ну, и так далее.

А вот уже где-то в 1993 году этот человек, занимаясь частным предпринимательством, увлекся вернувшись к нам христианством, подружился с епископом Челябинским и Златоустовским (так он утверждал). Грешил он в ту пору не меньше легендарного Герцога — четырежды женат, дети раскиданы по свету — но однажды (при мне) он грозно предупредил свою бухгалтершу, тыкая в нее пальцем: «Слушай, Н., ты дождешься, я тебя прокляну...»

Бог нам всем судья, конечно. Но все-таки именно эта сцена меня потрясла своей новостью (приехали!), поразила своей новой конъюнктурой, поисками выгоды в обладании не христианской культурой, а ее терминами. Поэтому и захотелось порассуждать о том, что же такое значит в христианской культуре проклятие.

КОММЕНТАРИЙ ТРЕТИЙ

Кроме того, что сегодня активно действуют в городе христианские храмы, в педагогическом институте заведено отделение мировой культуры, где сегодня студенты изучают творчество крупнейших христианских мыслителей. Мы обратились к нашей постоянной читательнице, поэтессе, студентке III курса МГПИ Инне Воскобойниковой. Она изучает знаменитую в христианской культуре «Исповедь» Августина Блаженного. Этот стоап христианства жил очень давно. Чем же он близок современной девушке? И так: Инна ВОСКОБОЙНИКОВА и Августин Блаженный.

Уроки Августина

*Свет багряных небес
загорается снова и снова...
Августин, Ты воскрес
на обломках*

В 20-х годах девятнадцатого столетия поэт Ф. Тютчев произнес парадоксальные строки:

*«А нас, друзья, и наше время
Давно забвением занесло...»*

А что же говорить о четвертом и пятом веках нашей эры? Времена мамонтов? Именно в эту эпоху на закате языческой античности жил христианский отец церкви, Сеятель Божьего Слова и борец с языческим огнем епископ Гиппонский Августин Блаженный (354-430 гг.). Мы живем в переломную эпоху, мы замираем от неизвестности — «Что век грядущий нам готовит?» Августин тоже жил в неповторимый момент встречи двух эпох и призван был утвердить во благо новых христианских ценностей культурное наследие античности. Кажется, что легко ему дышалось в переломные времена, от которых с ужасом ожидают конца Света. Мудрый Блаженный считал, что люди сами создают конец Света, отпадая от Бога.

В своей «Исповеди» (около 400 г.) он восклицает: «В нечестивой гордости, отходя от Господа и удаляясь от Его Света, люди за долго предвидят затмение Солнца». Епископ считал, что человек в своей жизни выбирает одну из двух дорог: или быть с Богом, или с людьми, предаваясь похоти, гневу, лени: «Дружба с этим миром — измена тебе, Господи!»

Человек, живущий в истине Божьей, находится вне времени, он проникает внутрь Света, вне века: «Держись в стороне от века сего, избегая его, живет душа». Августин вне суда, он не судит ошибки людей переломного времени: «Человеческий дух не судит о беспокойной толпе века сего. Ему ли судить, когда он не знает, что идет в сладостную благодать Бога, кто останется в горечи ада?»

Можно подумать, что Августин, отворачиваясь от века своего, от-

ворачивается от бед людских, парит над людьми, растворяется в Боге. Но нет, Библейскому милосердию Блаженного можно позавидовать: «Всякого человека, поскольку он человек, следует любить ради Бога». Но это не просто пустые слова священника, это не показная забота о людях. Получив святое крещение и сбросив языческие одежды, Августин не становится пустынным, не уходит в пески, как его святые современники (Василий Великий, Святой Антоний).

В своей «Исповеди» он пишет: «Христос для того умер за всех, чтобы живущие не для себя жили. Он раздает все свое имущество нищим и призывает оказывать незначительную, похожую на траву полевую, но крепкую защиту и покровительство, напоминающие плодородное дерево».

Августин был великим оптимистом. Он видел в истории борьбу темных сил со светлыми.

Так в чем же находит отец церкви выход из Града земного, порочного, чем он может помочь нам, грешным? В единении людей и смиренном благочестии, которое, по Достоевскому, «мир покорить может». В вере, благодати и любви — истинное счастье. Только с Богом можно ликовать беззаботно и радостно.

А еще счастье в неустанной борьбе, в вечных поисках Красоты и Добра, в Вечных поисках... «Если ты скажешь: с меня довольно — ты погиб. В этом мире негде отдохнуть, и все в нем безостановочно убегают».

И снова вспоминаются слова Ф.М. Достоевского, переключаясь с мыслями Августина через четырнадцать веков: «Ты же для грядущего работаешь. Награды же не ищи, ибо духовная радость — твоя награда».

Может, постепенно, добрыми делами своими и помыслами, любовью к людям и к Господу построим в 21-м веке Град Божий, о котором так мечтал Августин Блаженный в далеком пятом веке...